

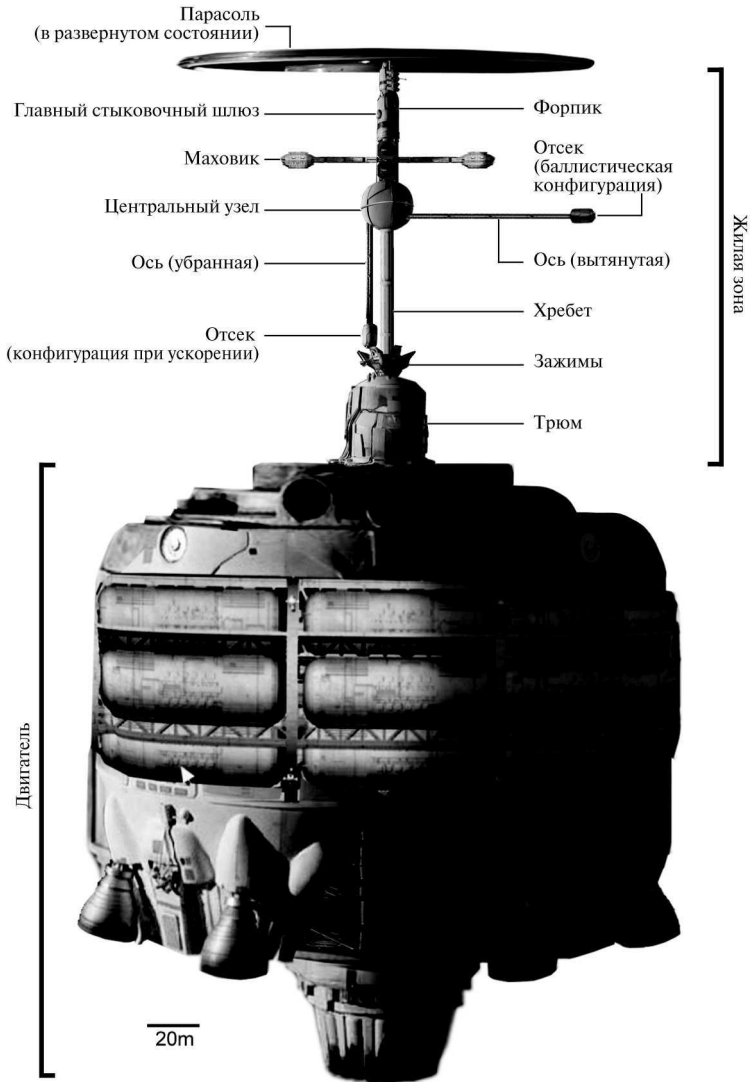
**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

Ненаглядной повелительнице единорогов,
которая спасла мне жизнь

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Внешний вид

Для наглядности показаны только два из шести блоков «ось-отсек»

Мы не уничтожаем религию, уничтожая суеверие.
Цицерон

Когда думаешь только о небесах, создаешь ад.
Том Роббис

*Мы взобрались на этот холм. С каждым шагом вверх
видели все дальше и потому продолжали идти.
Теперь мы на вершине. Наука на вершине уже несколько
веков. Мы смотрим на равнину и видим, как то,
другое, племя танцует в облаках, еще выше, чем мы.
Может, это мираж или фокус? Или кто-то просто
взобрался на гору повыше? Мы не видим ее, так как даль
застилают облака. Потому мы решаем выяснить,
что к чему, но каждый шаг ведет нас вниз.
Неважно, в каком направлении, — просто мы не можем
сойти с нашей горы, не потеряв точку обзора. И мы тут
же забираемся обратно, оказавшись в ловушке местного
максимума.*

*Но что, если там, в долине, действительно есть гора
повыше? Единственный способ добраться до нее —
стиснуть зубы, спуститься к подножию,
а затем тащиться вдоль русла реки и снова начать подъем.
Только тогда понимаешь: «Да, эта гора выше холмика,
на котором мы сидели раньше,
и с ее вершины видно намного лучше».*

*Но до нее не добраться, разве что оставить позади
все инструменты, которые изначально принесли успех.
Вам придется сделать первый шаг вниз.*

Доктор Лианна Латтеродт
«Вера и адаптивный ландшафт»,
Диалоги, 2091

Прелюдия

Построить систему естественной морали почти невозможно. Природа не знает нравственных принципов. Она не дает нам никаких оснований считать, что человеческая жизнь достойна уважения. Равнодушная природа не делает разницы между добром и злом.

*Анатоль Франс*¹

Белая комната, лишенная теней и топографии. Нет углов, и это очень важно. Нет закоулков, мебели, направленного освещения, геометрии света и тени, чьи пересечения под тем или иным углом можно принять за крестное знамение. Стены — точнее, стена — единая изогнутая поверхность с легкой биолюминесценцией; сферический вольер, сплюснутый снизу в неохотной уступке двуногим условностям. Гигантская матка диаметром три метра, в которой сейчас хныкал зародыш, клубком свернувшийся на полу.

Матка, только кровь снаружи.

Зародыш звали Сачита Бхар, и эта кровь была в ее голове. Они уже вырубали камеры и все остальное, а она никак не могла забыть того, что увидела: комнату

¹ Цитата из романа «Восстание ангелов» (1913), пер. М. Богословской, Н. Рыковой. (*Здесь и далее в тексте, кроме раздела «Примечания и ссылки», — примечания переводчика.*)

отдыха, гистологическую лабораторию, даже чулан — черт возьми, грязную крохотную каморку на третьем этаже, где спрятался Грегор. Сачи не видела, когда его отыскивали. Она перескакивала с канала на канал, лихорадочно ища признаки жизни, но находила только мертвых с выпущенными кишками. К тому времени, когда дошла до камеры с чуланом, монстры ушли.

Грегор так любил своего дурацкого хоряка. Еще этим утром Сачита ехала с Грегором в лифте и запомнила его полосатую рубашку. По ней и опознала кучу, оставшуюся в каморке...

Сачита увидела часть резни, прежде чем отключились камеры: друзей, коллег, соперников убили без жалости и каких-либо предпочтений; их выпотрошенные останки разбросали по лабораторным столам, рабочим станциям и туалетным кабинкам. Сигналы с камер шли прямо в имплантаты, вживленные ей в голову, но Сачита, несмотря на доступ к повсеместному наблюдению, даже не заметила существ, которые все это сделали. Тени, максимум. Проблеск тьмы, когда одинокий охотник попадал в слепое пятно камеры. Они убили всех, но не позволили увидеть себя никому, даже собратям.

Подопытных всегда держали поодиночке. Для их же собственного блага, разумеется: посади двух вампиров в одну комнату, и вшитая в подкорку территориальность через секунду заставит их рвать друг другу глотки. И все же почему-то они работали вместе: полдюжины, взаперти, без связи, совершенно неожиданно начали действовать как слаженная команда. Захватили здание, ни разу не встретившись, и даже в разгар бойни, в последние секунды перед тем, как умерли камеры, вампиры остались невидимыми. Сачита будто видела резню краем глаза.

«Как они это сделали? Как справились с углами?»

Кого-то другого могла поразить такая ирония судьбы: Бхар спряталась в убежище для монстров — одном из немногих мест в проклятом центре, где те могли открыть глаза, не рискуя получить смертный приговор. Здесь были запрещены прямые углы, подвергали испытаниям ахиллесову пяту и создали свободную от крестов зону, где строго контролировали геометрию и оптимизировали нейрологические поводки. В любом другом помещении остроконечность цивилизации грозила вампирам со всех сторон: столы, окна, миллионы пересекающихся линий техники и архитектуры только и ждали момента, чтобы спровоцировать эпилептический припадок. Монстры не могли — не должны были! — и часа протянуть снаружи без антиевклидиков, подавлявших «крестовый глюк». Только здесь, в белой матке, куда бедная и глупая Сачита Бхар прибежала, когда погас свет, они могли открыть незащищенные глаза.

Теперь одно из чудовищ стояло рядом с ней.

Она его не видела: крепко зажмурилась, пытаясь побороть образы массовой резни, намертво застывшие в мозге. И ничего не слышала, кроме непрекращающегося животного стога, исходившего из ее собственного горла. Вдруг что-то выпило часть света, падавшего на лицо Сачиты. Вращающаяся багровая тьма под веками еле заметно, предательски померкла, и Бхар все поняла.

— Привет,— сказала оно.

Она открыла глаза. Перед ней стояла женщина, которую называли Валери, по имени ведомственной председательницы, уволившейся год назад. Вампирша Валери.

Ее глаза отражали отфильтрованный до красного свет: кроваво-оранжевые звезды на лице, зардевшемся

от бойни. Она возвышалась над Сачитой — неподвижная как статуя насекомого, даже дыхание почти не ощущалось. За секунды до смерти выбора не оставалось, и некая подпрограмма в мозгу Бхар стала отмечать морфометрию: нечеловечески длинные конечности и тощую, тепловыделяющую аллометрию метаболического двигателя, работающего на всех парах. Немного выступающие мандибулы, волчьи настолько, насколько гоминоид мог себе позволить, чтобы разместить весь набор зубов. Нелепый бирюзовый халат, композитная ткань со смартпапиром и встроенной телеметрией: похоже, сегодня для Валери запланировали физические процедуры. Румяный цвет лица, кровавый паводок вазолидации хищника в режиме охоты. И глаза, эти ужасающие свещающиеся проколы...

Наконец, программа засекла: «Зрачки сузились. Она не на евклидиках».

Неожиданно Сачи выхватила крест — аварийный выключатель на случай непредвиденных ситуаций; талисман, который вручали каждому в первый день вместе с удостоверением: его эмпирически протестировали и опробовали в боевых действиях. Наука возродила символ после бесчисленных веков, проведенных им в трущобах религиозного фетишизма. С отчаянной храбростью Сачи протянула его перед собой и большим пальцем нажала на кнопку. С каждого конца распятия выскочили расширители на пружинах, и крохотный карманный тотем неожиданно стал метровым с каждой стороны.

«Тридцать градусов зрительного диапазона, Сачи. Может, сорок для особенно стойких. Убедись, что вампир находится перпендикулярно линии взгляда, и углы работают на девяносто градусов. Стоит этим малышам попасться на глаза упырям и покрыть достаточную пло-

щадь зрительной зоны, их кора головного мозга поджарится, как электрическая цепь в грозу».

Это слова Грега.

Валери склонила голову набок и изучила артефакт. Сачита знала, что ужасающее создание может рухнуть в любую секунду, превратившись в судорожно дергающуюся массу искрящихся синапсов: дело было не в вере, а в нейрологии.

Монстр наклонился чуть ближе и даже не поморщился. Сачи обмочилась.

— Пожалуйста,— всхлипнула она.

Вампирша ничего не ответила.

Слова полились рекой:

— Простите меня! Я в этом не участвовала. Не до конца, понимаете? Я лишь аспирантка, аналитик, хотела собрать материал для диссертации. Знаю, это неправильно и похоже на рабство, и я все понимаю, и это... Уродская система, а мы — последние уроды, раз так поступили с вами. Но это была не я, понимаете? Я не принимала решения, появилась позже. Я здесь даже не работаю, только материал для диссертации собирала. И все! Я могу понять, как вы себя чувствуете и почему нас ненавидите. Я бы тоже ненавидела. Но, пожалуйста, пожалуйста, прошу вас... Я лишь студентка...

Прошло время, Сачита не умерла и даже осмелилась взглянуть на вампиршу. Та смотрела куда-то влево, за тысячи световых лет отсюда. Она казалась рассеянной, даже растерянной. Но они всегда так выглядели: их разум обрабатывал дюжины параллельных цепей одновременно и десятки перцептивных реальностей, таких же настоящих, как и та, в которой обитали люди.

Валери опять склонила голову набок, будто прислушиваясь к тихо звучащей музыке. Она почти улыбалась.

— Пожалуйста... — прошептала Сачита.

— Нет злости,— сказала Валери.— Не хочется мести. Ты не имеешь значения.

— Не имею, но... — Кровь и трупы. Здание набито телами и монстрами.— Чего вы тогда хотите? Пожалуйста, я все...

— Хочу, чтобы ты представила Христа на кресте.

Разумеется, как только образ появился, не представить его было невозможно. Сачита Бхар даже успела удивиться, когда конечности неожиданно свело спазмами, нижнюю челюсть напрочь вывихнуло из сустава, а тысячи кровавых ударов булавок вонзились в заднюю стенку черепа. Она попыталась закрыть глаза, но не имеет значения, какой свет падает на сетчатку, зрение ни при чем. В глубине мозга разум генерирует собственные образы, их отключить невозможно.

— Да,— Валери задумчиво щелкнула.— Я учусь.

Сачита умудрилась заговорить. Это был самый трудный поступок в ее жизни, но она знала — так надо, ведь он последний. И она призвала на помощь всю силу воли, остатки энергии и каждый синапс, который еще не получил команду на самоуничтожение, и заговорила. Потому что больше ничто не имело значения. Бхар действительно хотела знать:

— Учишься? Чему?

Она не смогла произнести вопрос до конца. Но мозг, горевший в пламени короткого замыкания, сумел выдать последнее озарение в статике, пожирающей все вокруг: «Вот на что похож „крестовый глюк“. Вот что мы с ними делали. Вот что...»

— Дзюдо,— прошептала Валери.

Примитив

В конечном итоге наука — лишь корреляция.

Неважно, насколько эффективно она использует одну переменную для описания другой: ее уравнения по сути дела покоятся на поверхности черного ящика. (Святой Герберт, наверное, выразил это наиболее кратко, заметив, что все доказательства неминуемо сводятся к предположениям, не имеющим никаких доказательств.) Таким образом, разница между наукой и верой заключается в способности предвидения — не более, но и не менее. Научные озарения показали себя лучшими предсказателями, чем духовные, по крайней мере, в мирских делах. Они господствуют не потому, что отражают истину, а потому, что работают.

Орден Двухпалатников представляет собой невероятную аномалию в достаточно однородном пейзаже.

Их методологии, полностью основанные на вере, бесцеремонно заходят в метафизические пространства, отрицающие эмпирический анализ. Тем не менее они постоянно и последовательно получают результаты с более сильной способностью предвидения, чем у обыкновенной науки. (Как они это делают, неизвестно; существуют лишь свидетельства того, что они каким-то образом переплавляют височную долю, усиливающую контакт с божественным.)

Рассматривать подобный прецедент как победу традиционной религии было бы опасно и чрезвычайно наивно. Это не так. Успех Двухпалатников — это победа радикальной секты, которой меньше пятидесяти лет от роду. А цена этой победы — разрушение стены между наукой и религией. Уступка Церкви физическому миру повлияла на историческое перемирие, позволившее вере